

Предпринимательская деятельность костромских отходников в Санкт-Петербурге (1860-е — 1914 гг.): неформальные практики в формальной экономике¹

И. С. Слепцова (Кызласова), О. В. Смурова

Ирина Семеновна Слепцова (Кызласова), старший научный сотрудник отдела русского народа, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а. E-mail: i_kyzlasova@mail.ru

Ольга Вениаминовна Смурова, доктор исторических наук, независимый исследователь; 156022, Кострома, ул. Стопани, 48. E-mail: Olga-smurova@mail.ru

EDN: MZUPAO

Аннотация. Статья посвящена исследованию предпринимательской деятельности крестьян-отходников из северо-западных уездов Костромской губернии в Санкт-Петербурге во второй половине XIX — начале XX века. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода, поскольку деятельность отходников, соединяющая нормы разных социальных порядков, не может быть объяснена в рамках классической экономической теории. Теоретическую основу составляют концепции неформальной и эксплоярной экономики (Т. Шанин), институциональный подход (Д. Норт), теория габитуса П. Бурдьё и концепция «силы связей» М. Грановеттера. Это позволяет рассматривать хозяйственные практики отходников как социально укорененную систему, где ключевую роль играли неформальные институты: земляческие и родственные связи, репутация, взаимное доверие. Источниковая база — 50 томов «Справочных книг о лицах С.-Петербургского купечества...» (1865–1916), фиксировавших крестьян, прошедших регистрацию и занимавшихся предпринимательством. Дополнительно привлекаются «Журналы генеральной поверки», выявляющие практики уклонения от официального оформления. В статье анализируются этапы жизненного пути отходников, механизмы формирования сообществ на основе «избирательного сродства», трансформация социального этоса в городской среде. Выявлены три стратегии предпринимательства: адаптивная, итеративная (метод «проб и ошибок») и опытно-экспериментальная. Показано, что успешные практики возникали через рекомбинацию традиционных элементов в новых рыночных условиях (*path dependence*). Рассматриваются диверсификация деятельности и дивантные практики (уклонение от налогов, выплата штрафов). Делается вывод, что «Справочные книги» позволяют реконструировать процесс инкорпорации отходников в городские сословия, однако их информация неполна из-за существования неформального сектора. Перспективы исследования связаны с привлечением фискальных и судебных документов для изучения соотношения формальных и неформальных практик.

1. Статья написана в рамках проекта НИР: «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего». Код: FMNU-2026-0006.

Введение

Экономическая деятельность, будучи одной из фундаментальных сфер человеческой жизни, является объектом исследования широкого круга наук, каждая из которых предлагает собственный теоретический и методологический ракурс. В отличие от классической экономической теории, фокусирующейся на рациональном выборе и рыночных взаимодействиях, экономическая антропология и смежные историко-социологические дисциплины рассматривают хозяйственные процессы как глубоко укорененные в специфических историко-культурных контекстах. В лаконичной и образной форме это выражено в тезисе американских ученых Лоуренса Харрисона и Самюэля Хантингтона: «Культура имеет значение» (Харрисон, Хантингтон, 2002), ставшем одним из методологических оснований междисциплинарных исследований на стыке экономики и культурной антропологии. Данный подход позволяет выявить, каким образом локальные традиции, социальные связи и неформальные институты встраиваются в рыночные механизмы, обуславливая многообразие моделей экономического поведения.

С этой точки зрения продуктивно исследовать особую социальную группу — отходников, чья трудовая деятельность была связана с сезонной или циклической миграцией и чей образ жизни может служить примером полилокальности². Сложная структура деятельности отходников, в которой соединяются нормы разных порядков и переплетаются поведенческие паттерны, относящиеся к разным экономическим системам, не может быть объяснена в рамках только одной эпистемологической системы, что требует выхода за рамки классической экономической теории.

Возникнув как тактика выживания, позволявшая крестьянской семье поддержать свое существование в ситуациях экономической нестабильности, во второй половине XIX — начале XX века отход на заработки в некоторых регионах превратился в отдельный вид деятельности. Это повлекло за собой формирование соответствующих культурных форм, специфика которых заключалась в сочетании в различных комбинациях городских и сельских черт. Они представляли собой весьма важную в экономическом и социокуль-

2. В дореволюционной историографии отходниками принято было называть крестьян и мещан, которые вели промысловую деятельность вне места их постоянного жительства, притом на таком расстоянии, что эти лица должны были брать от своих обществ особое разрешение в форме вида на жительство (Россия. Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Л.: Лениздат, 1991. С. 264–265).

турном плане группу, которая играла немалую роль в модернизации страны, являясь каналом передачи ресурсов, знаний и культурных моделей между городом и деревней (Федоров, 2009; Аверкиева и др., 2016; Плюсин, 2019).

Исследование экономической деятельности отходников в XIX — начале XX века представляет значительный научный интерес, обусловленный двумя ключевыми факторами. Во-первых, эта тема до сих пор содержит множество «белых пятен» и нуждается в детальном изучении, как в региональном, так и в темпоральном аспекте. Во-вторых, возрождение аналогичных отходничеству практик в постсоветской России делает обращение к их историческим истокам весьма актуальным.

Становление личности отходника, как правило, происходило в рамках сельского сообщества, где формировался габитус — система устойчивых диспозиций, которые, по определению П. Бурдьё, будучи «продуктом истории, производят практики, как индивидуальные, так и коллективные... Он обеспечивает активное присутствие прошлого опыта, существующего в каждом организме в форме схем восприятия, мышления и действия» (Бурдьё, 1998: 46). Габитус формировал систему ценностей и закреплял традиционные поведенческие стереотипы, сохраняясь даже в условиях меняющейся социальной реальности. Особое значение имело то, что эти модели активно формировали трудовое поведение отходников. Они определяли осознание необходимости отхода на заработки, ориентировали на традиционные виды занятий и их формат: в случаях, когда требовались коллективные усилия, это закономерно приводило к артельной организации труда. Артель была основной формой организации труда большинства отходников. Она действовала как единый коллектив с равными правами ее членов, что ставило индивида в зависимость от групповых интересов и обязывало соблюдать сложившиеся в данном сообществе нормы кооперативного взаимодействия. На практике артель всегда создавалась опытным отходником-подрядчиком, который выбирал тактики ведения дел и нес ответственность за организацию работ (В. В., 1895). Одновременно с этим усвоенные в деревенский период жизни диспозиции задавали характер межличностных отношений, порождая своеобразный патернализм, который проявлялся, например, в практике найма на работу односельчан, что служило механизмом социально-го воспроизводства группы.

В рамках сложившихся стереотипов место выхода — «родная сторона» — осмыслялось как Дом. Поэтому устойчивой традицией было возвращение крестьянина в деревню для постоянного проживания после завершения трудовой деятельности в городе. Лишь небольшая часть отходников окончательно переселялась в город, но и они, как правило, сохраняли тесную связь с родиной, что свидетельствует о сохранении первичного габитуса даже при смене социального окружения.

Феномену отходничества посвящено значительное количество работ, начиная с XIX в. и до современности. Историографию отходничества можно разделить на несколько этапов, различающихся исследовательскими задачами, методологией и дисциплинарными рамками.

Первый этап (1870–1920-е годы) связан со становлением эмпирической традиции изучения крестьянских отхожих промыслов. Работы этого времени носили преимущественно статистико-экономический характер и были подчинены задачам осмысления пореформенной модернизации, а позднее — планового регулирования трудовых ресурсов. Исследователи уточнили понятийный аппарат, определили масштабы, географию и профессиональную структуру отхода, заложив фундамент для последующего изучения крестьянства как социально-экономического субъекта.

Второй этап (1940–1980-е годы) ознаменовался поворотом к историческому анализу. В центре внимания оказались процессы разложения феодально-крепостнической системы и генезиса капитализма, роль крестьянства в формировании городского населения, социальная мобильность. Городское население, включая крестьян-мигрантов, становилось и объектом этнографического исследования. Отходничество рассматривалось преимущественно как фактор социально-экономической трансформации, однако уже наметился интерес к его социокультурным аспектам.

Третий этап (1990-е годы — настоящее время) характеризуется методологическим обновлением и полидисциплинарным синтезом. Освобождение от идеологической заданности, знакомство с западной историографией и антропологический поворот позволили дополнить количественные исследования реконструкцией «живой» истории крестьянина-отходника. Предметное поле расширилось за счет тематики предпринимательства, благотворительности, религиозно-нравственных установок, адаптационных стратегий и дидактических практик. Современные исследования интегрируют дореволюционную, советскую и европейскую традиции, рассматривая отходничество как сложный социокультурный феномен, в котором переплетаются экономическая рациональность, семейные стратегии и механизмы трансляции социального опыта.

Методы и предмет исследования

Для изучения смешанных хозяйственных практик, характерных для отходников, представляется эвристичной концепция «неформальной экономики» (Шанин, 1999б; Радаев, 1999; Барсукова, 2012; Плюснин, 2024). Она позволяет интерпретировать деятельность отходников-предпринимателей как систему экономических отношений, которые опирались не только на формальные юридические установления (законы, регламенты, паспортная система, налоги),

но прежде всего на неформальные институты: земляческие связи, родство, репутацию и устные договоренности, выступавшие ключевыми регуляторами взаимодействий. Мобилизация в нужные моменты этих социальных ресурсов позволяла сохранять устойчивость предприятий в инокультурной для крестьян столичной среде и гибко адаптироваться к ее изменениям.

Мы будем рассматривать предпринимательскую деятельность отходников не как обособленный («неформальный») сектор экономики, а как социально укорененную систему экономических отношений. Такой взгляд близок к институциональной традиции, где ключевым объектом анализа становятся «сознательные усилия людей, направленные на установление контроля над миром, в котором они живут» (Норт, 2010: 13). Это означает смещение фокуса на процесс образования самого сообщества отходников, их коллективные стратегии выживания и успеха, а также на те социальные механизмы, которые организовывали их деловые взаимодействия.

Дополнительной теоретической перспективой может быть концепция «эксплоатривной экономики», предложенная Теодором Шаниным. Она описывает экономическую сферу, существующую вне доминирующих полюсов капиталистической и плановой систем и характеризующуюся опорой на личные связи, доверие, взаимопомощь и адаптивные стратегии выживания (Шанин, 1990, 1999а). Для нашего исследования ключевым является его тезис о не-урбанистическом (*экс-полисном*) происхождении указанных социальных форм. Они не исчезали в городской среде, а, напротив, получали импульс для нового существования. «Переехав» вместе с крестьянами-отходниками, они сохранялись и трансформировались, приобретая ценность как инструменты решения специфических задач в условиях чуждой, формализованной столичной экономики.

Хронологические рамки исследования охватывают период между двумя важнейшими событиями российской истории: Великой реформой 1861 года и Первой мировой войной. Нижняя граница определена отменой крепостного права, которая привела к активизации трудовой миграции. Верхняя — тем фактом, что война нарушила стабильное развитие экономики и коренным образом изменила экономическую активность населения. Все наши наблюдения относятся к мужской части населения. Мы не касаемся гендерного аспекта и не рассматриваем женское отходничество, т.к. оно не характерно для изучаемой территории.

Источниковой базой исследования служат 50 томов «Справочных книг о лицах С.-Петербургского купечества...»³, изданных

3. Справочная книга о лицах Петербургского купечества и других званий, акционерных и паевых общин и торговых домах, получивших сословные свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям, промысловые свидетельства 1-го и 2-го разрядов на торговые предприятия, 1–5-го разрядов на промышленные предприятия, 2-го и 3-го разрядов на личные промысловые за-

в 1865–1916 годах, в которые записывали выходцев из разных губерний, изъявивших желание заняться предпринимательством в столице. Они содержат сведения о месте выхода, возрасте, социальном происхождении и статусе (крестьянин, мещанин, купец), чине, вероисповедании, роде занятий, адресах, составе семьи, а также давности получения разрешения на деятельность в столице.

Информативный потенциал источника позволяет реконструировать виды предпринимательской деятельности и стратегии организации дела отходниками (Слепцова, Смурова, 2022). Его ценность заключается в значительном временном охвате, дающем возможность проследить динамику пути отходника до перехода в мещанство, купечество и/или потомственное почетное гражданство (либо уплаты гильдейских повинностей в прежнем статусе). Тем самым источник позволяет воссоздать траектории социального восхождения и выявить успешные предпринимательские тактики.

Есть основания считать, что сведения «Справочных книг» не являются полными. Изучение жизнедеятельности конкретных персон позволяет обнаружить, что некоторые намеренно стремились обойти существовавшие законы: уклонялись от уплаты пошлин, взимавшихся за оформление документов. В частности, об этом свидетельствуют «Журналы генеральной поверки торговых, промышленных и ремесленных заведений по участкам Санкт-Петербурга за 90-е гг. XIX в.» (см. ниже). При необходимости информация из «Справочных книг» дополняется из других источников.

Формирование и эволюция предпринимательской деятельности отходников

Предмет нашего исследования — предпринимательская деятельность выходцев из северо-западных уездов Костромской губернии (Галичский, Солигаличский и Чухломской), крестьянство которых с начала XVIII в. принимало участие в строительстве Санкт-Петербурга, а позже составляло немалую долю населения столицы и оказывало заметное влияние на ее экономику и бытовой уклад (Жбанков, 1891; Владимирский, 1927; Смурова, 2008; Лурье, 2011: 227–231).

Отходники представляли собой весьма неоднородную в имущественном отношении группу, включавшую как владельцев предприятий, так и наемных работников. Мы рассматриваем категорию отходников, которые прошли государственную регистрацию, то есть были зафиксированы в «Справочных книгах». Это сравнительно немногочисленная группа отходников, которая совершила социальное восхождение: владельцы мастерских, магазинов,

*И. С. Слепцова
(Кызласова),
О. В. Смурова*
Предприниматель-
ская деятельность
костромских отход-
ников в Санкт-Пе-
тербурге (1860-е —
1914 гг.)...

нятия на (1865–1880, 1882–1913, 1915–1916 гг.). СПб.: Тип. А. Н. Лавров и К°, 1865–1916, 1865–1880, 1882–1913, 1915–1916 (далее — СК).

а иногда и предприятий, подрядчики, содержатели трактиров и ресторанов и т. д. Некоторые из них имели собственные дома в Петербурге и фактически уже стали переселенцами, но не оформили свой статус.

Деятельность этой группы следует, скорее, отнести к сфере формальной экономики, поскольку она регулировалась государством: они оформляли официальные документы, дававшие право на предпринимательскую деятельность, и платили налоги. Наряду с этим часть отходников, занимавшихся аналогичными промыслами, уходила от контроля. Их присутствие в реальной экономике обнаруживают фискальные документы. Так, во время проведения генеральной поверки торговых, промышленных и ремесленных заведений по 2-му участку Нарвской части Санкт-Петербурга за 1890 год было выявлено отсутствие промыслового свидетельства у крестьянина Чухломского уезда Костромской губернии Петра Осева, имевшего столярную мастерскую по адресу: улица 12-я Рота Измайловского полка, д. 6, в которой работало двое рабочих⁴, был составлен акт о нарушении, но это не повлияло на его дальнейшее поведение — в 1891 году история повторилась⁵. Однако на момент поверки в 1895 и 1897 годах свидетельства уже были оформлены⁶. Также крестьянин Чухломского уезда Василий Денисов Крылов, содержавший плотничий промысел по адресу Рижский пр., д. 38/6, в котором было занято 6 рабочих, 2 мастера, в 1892 году был уличен в отсутствии промыслового свидетельства 2-го разряда⁷. Можно указать еще немало примеров подобных нарушений. Деятельность таких лиц всецело подпадает под понятие неформальной экономики.

Путь в отходники: этапы становления

Двойственная принадлежность отходников — их одновременное включение и в городскую, и в деревенскую жизнь — наряду с устойчивостью этого статуса и интенсивностью сельско-городских контактов порождала множество уникальных жизненных сценариев. Однако в этом разнообразии просматривается общая закономерность: их биографии состояли из сменяющих друг друга периодов с характерными доминантами, где каждый последующий этап

-
4. Журнал генеральной поверки торговых, промышленных и ремесленных заведений по 2-му участку Нарвской части за 1890 г. (далее — Журнал...) // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 479. Оп. 23. Д. 2334. Л. 88–89 об.
 5. Журнал... за 1891 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 2357. Л. 106 об. — 107.
 6. Журнал... за 1895 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 1071. Л. 84 об. — 85; Журнал... за 1897 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 2682. Л. 95 об. — 96.
 7. Журнал... за 1892 г. // ЦГИА СПб. Ф. 479. Д. 2411. Л. 54 об.

опирался на ресурсы и опыт, накопленные в предыдущем (Смурова, 2026).

Первый период — детство и ранняя юность, содержанием которого было усвоение морально-нравственных норм и трудовой этики, включающих в себя установки на коллективизм и сотрудничество, а также научение некоторым профессиональным навыкам. Данный период у разных лиц мог быть локальным (на родине) и «питерским», что зависело от избранного ремесла. Отход нередко начинался в очень раннем возрасте. Вследствие этого у детей-питерцев складывались религиозно-нравственные представления и поведенческие модели, значительно отличающиеся от традиционных крестьянских, что влияло на их дальнейшую жизнь. У крестьянских детей и молодежи на основе рассказов приехавших отходников, наблюдения их стиля жизни формировались стереотипы успешности и стратегии будущей жизни (Александров, 2023).

Второй период — петербургский, отличался значительной вариативностью. Как правило, это был наиболее продолжительный отрезок жизни, в течение которого происходили ключевые события биографии, включая организацию собственного предприятия. При этом наблюдалась существенная дифференциация: часть отходников достигала значительных успехов (увеличение доходов, переход в иное сословие, переселение в столицу), тогда как другие оставались в категории наемных работников, либо возвращались в деревню, что зачастую сопровождалось понижением их прежнего социального статуса и уровня жизни.

Третий этап — вновь деревенский, характеризовался возвращением отходников на родину на завершающем этапе жизненного цикла. Часть из них продолжала там предпринимательскую деятельность, тем самым внося вклад в развитие производственной и социокультурной инфраструктуры родного села (Смурова, 2026). Успешные примеры служили эффективным средством пропаганды городских возможностей среди молодого поколения, что стимулировало дальнейшие миграционные процессы. Наряду с этим наблюдались и случаи, когда возвращение носило исключительно пассивный характер, сводясь к доживанию.

Ведущей чертой отходничества был его «наследственный» характер: отцы не только передавали сыновьям дело и профессиональные навыки, но и вводили их в сообщество, транслируя тем самым собственный предпринимательский габитус. Благодаря такой социализации новички усваивали неформальные правила экономического поведения, что повышало их конкурентоспособность. Именно так формировались купеческие и промышленные династии: наследственное отходничество становилось каналом вертикальной мобильности (Гавлин, 2002; Краско, 2010). В привилегированных слоях этот механизм закреплялся через семейные предприятия, аккумулировавшие финансовые и социальные ресурсы (Барышников, 2007). Хотя такая преемственность и вела к усилению имуществен-

И. С. Слепцова
(*Кызласова*),
О. В. Смурова
Предприниматель-
ская деятельность
костромских отход-
ников в Санкт-Пе-
тербурге (1860-е —
1914 гг.)...

«Свои» в чужом городе: механизмы формирования сообществ отходников

Вся многочисленная армия трудовых мигрантов образовывала разные по структуре, функциям и целям социальные группы и микрогруппы в соответствии с конкретными историческими и институциональными условиями. Формирование сообществ отходников может быть проанализировано в рамках концепции «избирательного сродства», разработанной Максом Вебером для характеристики сложных взаимозависимостей между социальными, экономическими и религиозными и иными феноменами (Вебер, 1990: 106). Используя эту метафору, ученый хотел указать на наличие структурного сходства между протестантской этикой, регулировавшей жизненный уклад населения, и «духом капитализма», то есть потребностями капиталистического производства.

Однако данный подход применим не только к макроуровневым процессам, но и к межличностным связям в рамках локальных сообществ. Тактика избирательности по «сродству» реализовывалась в создании сетей социального взаимодействия, организованных по земляческому и семейно-родственному принципу (Барышников, 2005; 2006: 231–250; Лурье, 2020: 214–283). Немалую роль играла и конфессиональная составляющая — избирательность по принципу принадлежности к тому или иному направлению старообрядчества. Так, приоритет в принятии на работу и обучение, при заключении брака и выборе места жительства отдавался «своим»⁸. Земляческие и семейно-родственные связи играли ключевую роль в кризисных ситуациях, выступая механизмом социальной поддержки. Особенно важны они были в случаях экономической несостоятельности (банкротство, потеря работы) или проблем со здоровьем (травма, болезнь) и смерти. В условиях социально чуждой городской среды отходники активно опирались на доверительные сети, сформированные по принципу территориальной общности и единства этоса. При этом земляческие связи, как правило, сочетались с профессиональными, формируя сложные системы взаимных обязательств. Преимущество данного принципа организации работы состояло в том, что это обеспечивало дополнительные источники дохода, а также придавало стабильность экономической деятельности (Барышников, 2005; Османов, 2010: 24–26).

8. Концепт *свой/чужой* «является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» (Степанов, 1997: 472). Он относится к наиболее значимым в традиционной культуре (Белова, 2008).

Особого внимания заслуживает анализ социальных сетей средних и крупных предпринимателей. Как показывает исследование петербургского делового класса М. Н. Барышниковым (Барышников, 2005), несмотря на конкурентные отношения и наличие эгоистических интересов, которые могли бы превращать их в противников, костромские предприниматели и купцы были связаны, наряду с деловыми, дружескими, а часто и родственными отношениями. Характерной чертой социальных сетей привилегированных групп была не только горизонтальная, но и вертикальная их интеграция, что находило выражение, в частности, в практике благотворительности (Барышников, 2005). Таким образом, персональные связи, основанные на землячестве («сродстве» по месту происхождения), оказывались регулятором поведения более действенным, чем новые жизненные принципы, имевшие рационально-эгоистический характер. Аналогичный феномен отмечает Д. Е. Расков в отношении старообрядческого купечества, где консолидирующим фактором выступала общность религиозной идентичности (Расков, 2012: 89–95).

Прочность сообществ отходников зависела от «силы связей» — концепт, введенный М. Грановetterом для анализа социальных взаимодействий. Согласно его определению, сила связи представляет собой комбинацию «продолжительности, эмоциональной интенсивности (emotional intensity), близости, или взаимного доверия (confiding), и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь» (Грановetter, 2009: 32). «Сильные связи» устанавливаются между индивидами с высокой степенью близости, обеспечивая устойчивую социальную поддержку в кризисных ситуациях. Для таких связей характерна ограниченная численность и концентрация в рамках семейно-родственных и дружеских кругов. Они сочетаются со «слабыми связями», которые характеризуются широким охватом и включают взаимодействия с представителями различных социальных и культурных групп. В сельском социуме, благодаря наличию родственных и свойственных связей, пронизывающих всю общину, преобладали «сильные связи». В свою очередь, «слабые связи» существовали в виде контактов с административными лицами или земляками, жителями округи. Однако в условиях миграции происходила трансформация этих связей: при переезде в город земляческие контакты, изначально относившиеся к «слабым», усиливались, переходили в категорию «сильных», формируя сплоченные территориальные сообщества.

В условиях ведения предпринимательской деятельности в городе «слабые связи» приобретали ключевое функциональное значение. Даже хозяевам небольших артелей требовалось выстраивать разветвленную сеть контактов, включавшую организацию логистических цепочек, обеспечение поставок сырья, налаживание сбыта продукции. Все эти деловые взаимодействия по своей природе относились к категории «слабых связей». Эффективно использовать их мог предприниматель, который знал потенциал каждого работ-

ника (был связан с ним «сильной связью») и поэтому имел возможность оптимально распорядиться трудовыми и материальными ресурсами для выполнения заказов. Таким образом, «слабые» и «сильные» связи образовывали устойчивую систему поддержания сообществ отходников. Если «сильные связи» обеспечивали социальную сплоченность, то «слабые» — создавали необходимые экономические возможности для существования общины в городской среде.

От крестьянина к предпринимателю: реконфигурация экономических стратегий

Как отмечалось ранее, предпринимательская деятельность отходников в столице испытывала на себе влияние крестьянской ментальности, сложившейся в сообществе, где определяющую роль играла опора на традицию. Хотя в рассматриваемый период экономическое поведение отходников все еще определялось традиционным отношением к труду и нормами православной нестяжательской этики (Коваль, 1994: 112–117; Кузнецов, 2008: 109–129), переезд в большой город неизбежно трансформировал социальный этос. Изменения затрагивали систему ценностей, моральные установки и модели поведения, которые постепенно адаптировались к нормам капиталистического общества. Вследствие этого в конкретных ситуациях мотивацией деятельности все чаще становилась личная выгода, вытесняя обычаи, освященные религией и традицией.

В фундаментальном труде Л. В. Милова, связавшем хозяйственную деятельность крестьянства с природно-климатическими условиями, обосновывается жизнеспособность как индивидуальных хозяйств, так и общины в целом благодаря «феноменальной приспособляемости», выработанной веками выживания в экстремальных условиях (Миров, 1998: 383–433). Способность к адаптации становилась для крестьянина ключевым ресурсом также и в городе. Именно это качество помогало крестьянам-отходникам, применяя такие же стратегии ведения хозяйства, что и в деревне, с успехом использовать открывавшиеся в городе экономические и социальные возможности.

Индивидуальные стратегии организации собственного дела демонстрируют значительную вариативность подходов и форм реализации, что обуславливало существенную дифференциацию конечных результатов хозяйственной деятельности (Смурова, 2008: 31–33). Выбор стратегий зависел от ряда факторов, прежде всего от наличия материально-ресурсной базы — размера стартового капитала или уже функционирующего предприятия, а также от широты круга деловых связей и их активности. При отсутствии или дефиците указанных ресурсов успешность деятельности определялись личностными качествами индивида — предпринимательской инициативой и организаторскими способностями (умением найти

незанятые рыночные ниши, установить выгодные контакты, быстро адаптироваться к изменению экономических условий и т.п.). Много значили также специализация работника (сохранение традиционных занятий или переход к новым видам труда), его производственная функция и социальный статус.

Анализ данных, содержащихся в «Справочных книгах», позволяет реконструировать тактические модели предпринимательской деятельности, характерные для отходников. Причем это относится как к формальным, так и к неформальным способам ведения дел. Как правило, выбор оптимального вида занятий осуществлялся эмпирическим путем, посредством апробации различных методов хозяйствования. В процессе исследования были выявлены три взаимосвязанных подхода к организации деятельности: *адаптивный*, *итеративный* и *опытно-экспериментальный*.

Адаптивный подход, подразумевающий быстрое и активное приспособление к меняющимся условиям рынка, наиболее часто применялся в тактиках предпринимательства⁹. Итеративный и опытно-экспериментальный подходы весьма близки адаптивному, они, по сути, являются его вариациями. Итеративный — это метод «проб и ошибок», состоящий из апробации проекта, выявления и анализа несоответствия предпринятых действий задуманному плану, затем постановки и реализации новых задач. В результате происходит постепенная доработка проекта до оптимального. Итеративный подход меньше, чем адаптивный, ориентируется на изменения рынка, а больше на собственные идеи и планы. Опытно-экспериментальный подход — это внедрение новых хозяйственных практик с целью повышения доходности. Однако в нем высок риск: успех предпринятых действий гарантировать невозможно (Дрогобыцкая, 2009; Рудаков, 2023). Этот подход, как никакой другой, требует от индивида творчества, новых идей, энергии, огромной работоспособности и т.п. В течение жизни большинство отходников-предпринимателей прибегали ко всем указанным подходам, ориентируясь на изменения в экономической, политической и социокультурной сферах. Их комплексное применение позволяло начинающим организаторам находить устойчивые модели предпринимательства, несмотря на отсутствие четкого плана и навыков в организации своего дела.

Анализ конкретных кейсов экономической деятельности отходников-крестьян подтверждает концепцию *path dependence* (зависимости от предшествующего развития). История их предпринимательства иллюстрирует, как структурная и институциональная инерция — опора на традицию — ограничивала внедрение радикально новых форм. Вместо этого успешные практики возникали

И. С. Слепцова
(Кызласова),
О. В. Смурова
Предприниматель-
ская деятельность
костромских отход-
ников в Санкт-Пе-
тербурге (1860-е —
1914 гг.)...

9. В художественной литературе данная модель предпринимательствашла с ироническим отражением в рассказе А. П. Чехова «История одного торгового предприятия» (Чехов, 1977: 37–40).

преимущественно через рекомбинацию знакомых, традиционных элементов — трудовых навыков, социальных связей и моделей хозяйствования, адаптированных к новым рыночным условиям (ср.: Радаев, 2007). Так, организация промыслового, торгового или какого-либо другого предприятия (напр., по предоставлению услуг) крайне редко проходила вне земляческих связей. Обычно новичок встраивался в существующие социальные сети, получая информационную, финансовую и моральную поддержку. Наблюдение за успешными примерами, следование рекомендациям и копирование показавших свою эффективность тактик помогало в кратчайшие сроки приступить к созданию собственного дела, минуя стадию поиска.

Направление предпринимательской деятельности также традиционно определялось доступными ресурсами региона. В Костромской губернии, где было развито деревообрабатывающее ремесло, преобладали подрядчики строительных работ; владельцы столярных, мебельных, паркетных и пробочных мастерских; содержатели дровяных складов; предприниматели в сфере ритуальных услуг (владельцы похоронных бюро и специализированных «гробовых магазинов»). К строительной отрасли относились также торговые заведения, специализировавшиеся на продаже обоев, стекольных и хозяйственных товаров. Широкое распространение получили и сопутствующие промыслы — малярное дело и печные работы.

Изучение хозяйственной деятельности демонстрирует вариативность способов ее организации. В ряде случаев предприниматели, продолжая традиции места выезда, устойчиво занимались одним делом, при этом специально создавая на родине производственную инфраструктуру, тесным образом связанную с профилем деятельности в отходе. Так, для нужд малярного промысла, в котором использовался клей определенного качества, в Богчинской волости Галичского уезда было создано 6 клееваренных заводов (Смурова, 2026). Наряду с этим было немало и тех, кто, отказавшись от первоначальной деятельности, расширяли сферу приложения своих сил и становились владельцами, например, «питейных заведений». Встречались и обратные случаи: от торговли переходили к подрядам. Порой промысловые занятия сочетались с трактирным делом¹⁰.

К распространенным видам деятельности относилась также торговля, имевшая определенную специализацию. Например, чухломичи предпочитали торговлю мясом и рыбой, зеленым товаром, овощами, фруктами, винами, галичане — кожевенными изделия-

10. Так, В. Д. Кудрявцев (уроженец д. Капольская (по документу Запольская) Нероновской вол. Солигаличского у.) вначале торговал мясом и зеленью (1869 г.), а затем стал активно расширять сферу деятельности: с 1887 г. — он подрядчик и содержатель трактира, с 1895 г. — подрядчик, содержатель ресторации и кухмистерской (СК 1869: 447; 1884: 324; 1887: 331; 1895: 372).

ми, бueвляне — мехом, шапками, фуражками. Такое положение способствовало лучшему пониманию спроса и быстрому реагированию на его изменение, уменьшению затрат на логистику, позволяя направить высвобождаемые средства на расширение производства продукции, а также снижало риск возникновения конфликтов из-за конкуренции.

Торговля продовольственными товарами, являвшаяся традиционным занятием сельского населения, часто становилась отправной точкой для предпринимательской деятельности. Исследование ее организации демонстрирует использование отходниками адаптивных и итеративных стратегий. На начальном этапе они применяли метод зондирования, предлагая ограниченный ассортимент товаров. Впоследствии происходило постепенное его расширение, включая как продовольственные, так и промышленные изделия¹¹. В других случаях начинали торговать сразу несколькими группами товаров, а затем сосредотачивались на одной, наиболее прибыльной¹². Наблюдается также вариативность в выборе форматов торговой деятельности. Часть предпринимателей придерживалась стратегии последовательного увеличения количества магазинов. Другие практиковали одновременное открытие нескольких торговых точек, что свидетельствует о наличии предварительно накопленного капитала. Отдельные случаи демонстрируют комбинирование торговли с ростовщичеством, что позволяло аккумулировать значительные средства.

Процесс накопления капиталов создавал предпосылки для диверсификации предпринимательской деятельности, способствовавшей устойчивости доходов и снижению коммерческих рисков. При этом отходники интуитивно выбирали наименее рискованную и наиболее доступную для них форму диверсификации — конгломеративную, выражавшуюся в одновременном ведении различных, не связанных между собой видов предпринимательской деятельности. Это позволяло им при необходимости перенаправлять прибыль из одной сферы деятельности в другую, которая на данный момент оказывалась более эффективной. Хотя в торговле, скорее, преобладала горизонтальная (родственная) диверсификация — расширение ассортимента товаров и увеличение числа магазинов (Де-

И. С. Слепцова
(*Кызласова*),
О. В. Смурова
Предприниматель-
ская деятельность
костромских отход-
ников в Санкт-Пе-
тербурге (1860-е —
1914 гг.)...

11. А. И. Иванов (1829 г.р., д. Знакова (по документу Зинькова) Тормановской вол. Солигаличского у.) в 1880 г. вел торг рыбой, фруктами и овощами, а в 1887 г. содержал трактир и торговлю рыбой (СК 1880: 316; 1887: 265). П. М. Екимов (1852 г.р., д. Сондоба Нероновской вол. Солигаличского у.) в 1881 г. имел трактир, а в 1895 г. — чайный и москательно-стеклянный магазин (СК 1882: 252; 1895: 721). И. Васильев (1832 г.р., Галичский у.) в 1865 г. содержал трактир, а в 1866 г. к этому виду деятельности прибавилась шорная лавка (СК 1865: 431; 1866: 437).
12. С. А. Андреев (1827 г.р., д. Дьяково Гнездиновской вол. Солигаличского у.) сначала вел торг посудой и мебелью, а затем ограничился торговлей мебелью (СК 1867: 390; 1869: 430; 1871: 489; 1880: 136).

нисова, 2022). Данное различие в стратегиях отражает адаптацию предпринимательских практик к специфике отдельных отраслей хозяйства.

Существование достаточно редких видов предпринимательства, не связанных с традиционными ремесленными занятиями уезда выхода (напр., занятие дезинфекцией и торговля химическими товарами, содержание квартирного бюро и справочной конторы¹³), свидетельствует о применении опытно-экспериментального метода при организации собственного дела.

Экспериментирование с видами хозяйственной деятельности не всегда мотивировалось поиском наиболее прибыльных предпринимательских моделей, в ряде случаев оно определялось стремлением реализовать свои способности и воплотить в жизнь идеи. Наглядным примером этого тезиса служит биография Сергея Александровича Орлова (1867–1919), уроженца д. Сондоба Нероновской вол. Солигаличского у. Начав трудовой путь в Петербурге в качестве ученика маляра, Орлов освоил живописное ремесло и стал заниматься росписями. Но после случайной работы у столичного фотографа традиционная для молодого отходника жизненная траектория круто изменилась. Проучившись несколько лет фотоделу и скопив первоначальный капитал, Орлов в 1903 году проявил предпринимательскую инициативу — открыл у себя на родине в с. Корцово Солигаличского у. фотомастерскую. Его профессиональная деятельность выходила за рамки стандартной павильонной съемки. Он стал сотрудничать с Императорским Археологическим обществом, по заданию которого предпринимал экспедиции в труднодоступные районы Солигаличского и соседних уездов и других губерний, фиксируя элементы традиционного быта, типы местного населения, памятники архитектуры. Результатом этой работы стала уникальная «Коллекция фотографа Орлова» (Трацилова, Данильченко, 2026). Сегодня это собрание фотоматериалов представляет значительную ценность как источник по истории архитектуры Русского Севера и русской этнографии, а также как свидетельство профессиональных стратегий отходников.

Ярким свидетельством применения описанных предпринимательских методов служит жизненный путь Василия Александровича Кокорева (1817–1889). Выходец из купеческой семьи старообрядцев-поморцев, рано лишившийся отца, Кокорев благодаря собственным усилиям стал одним из богатейших людей Российской империи. Оставив солеварение — дело отца и его дядей, которое

13. Е. А. Копаныгин (1837 г.р., мещанин, г. Галич), выбиравший свидетельство купца 2-й гильдии с 1878 г., занимался дезинфекцией, торговал химическими товарами, содержал квартирное бюро и справочную контору (СК 1887: 315). М. А. Александров (1858 г.р., уроженец Богчинской вол. Галичского у.), выбиравший с 1900 г. промысловое свидетельство 4-го разряда, содержал в доме жительства типографию (СК 1906: 11).

перестало приносить доход, он начал искать новые способы обеспечить свое существование. За короткое время Кокорев совершил путь от управляющего винокуренного завода, приказчика казанского винного откупщика до создателя системы откупов в России. Его предпринимательский список включал множество инновационных проектов в различных отраслях, успешно реализованных благодаря эффективной комбинации опыта, знаний, доступных ресурсов и риска. Экономическое поведение Кокорева характеризовалось комплексной (как пассивной, так и активной) адаптивностью, проявлявшейся не только в способности применяться к рыночным условиям, но и в преобразовании экономической среды в соответствии с собственными интересами через создание новых предприятий и освоение перспективных отраслей (Гавлин, 1999; Химич, 2008; Смирнова, 2021: 123–134). Специфической чертой его предпринимательской деятельности было использование адаптивных методов, имеющих девиантный характер, таких как обман, взятки и подкупы чиновников. О провоцировании его на совершение нарушающих закон действий дипломатично написал в своих мемуарах тайный советник Н. А. Качалов (Качалов, 2012: 604–605, 632–633). Значительно резче отзывался о Кокореве хорошо знавший его московский промышленник Ф. В. Чижев, также выходец из Костромской губ. Сравнивая его с Н. И. Путиловым, он отмечал: «У обоих для достижения цели все средства позволительны: подкуп — их главнейший источник, потом ложь...» Он характеризует их как «аферистов-предпринимателей» (Лаверычев, 1974: 74), определение, в котором содержится указание на особый тип экономического поведения, предполагающего риск и отсутствие нравственных рамок (Лаверычев, 1997: 170–171). Заметим, что в применении разных девиантных форм, в первую очередь уклонения от налогов, он был не одинок. Подобные способы представляли собой довольно распространенную практику, позволявшую сохранить свое дело в условиях высоких фискальных нагрузок. Также обычной стратегией являлся отказ от оформления официальных документов. Вместо уплаты пошлин, связанных с их получением, отходники зачастую выбирали систематическую выплату штрафов, которая в итоге оказывалась для них выгоднее.

Заключение

Подводя итог, выделим основные положения нашего исследования:

1. Исследование предпринимательской деятельности отходников показывает эвристическую ценность концепций «неформальной экономики», «эксполарной экономики» Т. Шанина и институционального подхода Д. Норта. Данные теоретические рамки позволяют рассматривать хозяйственные практики отходников как социально укорененную систему, где ключевую роль играли не столько

формальные юридические установления, сколько неформальные институты: земляческие и родственные связи, репутация, устные договоренности и взаимное доверие. Эти механизмы, имеющие не-урбанистическое (*экс-полисное*) происхождение, не исчезали в городской среде, а трансформировались, становясь эффективным инструментом адаптации к формализованной столичной экономике.

2. Формирование социального этоса отходников происходило в рамках сельского сообщества. Здесь индивид приобретал устойчивый габитус, определявший систему ценностей, трудовую этику и поведенческие стереотипы. Этот первичный габитус проявлялся в артельной организации труда, патернализме (наиме односельчан), практиках взаимопомощи и устойчивой традиции возвращения на родину после завершения трудовой деятельности. Однако переезд в большой город неизбежно трансформировал социальный этос: традиционные установки вступали в противоречие с нормами капиталистического общества, и стремление к личной выгоде постепенно вытесняло обычаи, освященные религией и культурой.

3. Организация сообществ отходников базировалась на принципе «избирательного сродства», реализуемом через земляческие, семейно-родственные и конфессиональные связи. Анализ этих сетей через концепцию «силы связей» М. Грановеттера показывает их функциональную дифференциацию: «сильные связи» (семейно-родственные и дружеские) обеспечивали устойчивую социальную поддержку и сплоченность, тогда как «слабые связи» (деловые контакты, взаимодействие с представителями разных групп) создавали необходимые экономические возможности. В условиях отхода происходило усиление земляческих контактов, их переход из «слабых» в «сильные», что сплачивало территориальные сообщества и позволяло эффективно действовать в инокультурной среде.

4. В организации предпринимательской деятельности отходники применяли три взаимосвязанных подхода: адаптивный (быстрое приспособление к рынку), итеративный (метод «проб и ошибок») и опытно-экспериментальный (внедрение инноваций с высокой степенью риска). Выбор стратегий зависел от стартового капитала, деловых связей и личностных качеств. При этом наблюдалась ярко выраженная зависимость от предшествующего развития (*path dependence*): успешные практики возникали преимущественно через рекомбинацию традиционных элементов — трудовых навыков, социальных связей и моделей хозяйствования, адаптированных к новым условиям. Наряду с легальными формами значительное распространение получили девиантные практики, прежде всего уклонение от оформления официальных документов и систематическая выплата штрафов, оказывавшаяся экономически выгоднее уплаты пошлин.

Таким образом, «Справочные книги о лицах С.-Петербургского купечества...» представляют собой ценный источник, позволяющий реконструировать траектории социального восхождения от-

ходников, выявлять тактики предпринимательской деятельности и проследить их динамику на протяжении длительного периода. Однако информация источника не является полной, поскольку некоторая часть отходников функционировала в сфере неформальной экономики, уклоняясь от официальной регистрации. Выявление этой «теневой» составляющей возможно через привлечение фискальных документов (Журналов генеральной поверки) и судебных документов, отражавших правонарушения в экономической сфере, что открывает перспективы для дальнейшего изучения соотношения формальных и неформальных практик в предпринимательской деятельности крестьян-отходников.

И. С. Слепцова
(Кызласова),
О. В. Смурова
Предприниматель-
ская деятельность
костромских отход-
ников в Санкт-Пе-
тербурге (1860-е —
1914 гг.)...

Библиография

- Аверкиева К. В., Антонов Е. В., Кириллов П. Л., Махрова А. Г., Медведев А. А., Неретин А. С., Нефедова Т. Г., Трейвиш А. И. (2016). Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России. М.: Новый хронограф.
- Александров Н. М. (2023). Крестьянская молодежь и отхожие промыслы в столицу в конце XIX — начале XX века (по материалам Костромской и Ярославской губерний) // Северо-Запад в аграрной истории России. № 29. С. 74–84.
- Барсукова С. Ю. (2012). Неформальная экономика: понятие, история изучения, исследовательские подходы // Социологические исследования. № 2 (334). С. 31–39.
- Барышников М. Н. (2005). Костромское землячество в деловой жизни Петербурга в начале XX в. // Клио. № 2. С. 177–184.
- Барышников М. Н. (2006). Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб.: Книжный дом.
- Барышников М. Н. (2007). Семейная фирма в дореволюционной России // Экономический вестник Ростовского государственного университета. Т. 5. № 4. С. 51–58.
- Белова О. В. (2008). Свой/чужой // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения. Т. 4. С. 581–582.
- Бурдьё П. (1998). Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 44–59.
- В. В. [Воронцов В. П.] (1895). Артель в кустарном промысле. СПб.: тип. В. Киршбаума.
- Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.: Прогресс.
- Владимирский Н. Н. (1927). Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома: Издание Костромского губстатотдела.
- Гавлин М. Л. (1999). Из истории российского предпринимательства: династия Кокоревых. М.: ИНИОН АН СССР.
- Гавлин М. Л. (2002). История династий российских предпринимателей до 1917 г. В информационных изданиях ИНИОН РАН // Теория и практика общественно-научной информации. № 17. С. 149–156.
- Грановеттер М. (2009). Сила слабых связей // Экономическая социология. Т. 10. № 4. С. 31–50.
- Данильченко И. В., Трапилова А. В. (2026). Фотограф Сергей Александрович Орлов и его коллекция. М.: Кучково поле.
- Денисова И. В. (2022). Уточнение понятия «диверсификация» // Вестник евразийской науки. Т. 14. № 6.
- Дрогобыцкая К. С. (2009). Современное состояние методологии системных исследований социокультурных образований // Проблемы современной экономики. № 2 (30). С. 219–223.

- Жбанков Д. Н. (1891). Бабыя сторона: Статистико-этнографический очерк. Кострома: Губернская типография.
- Качалов Н. А. (2012). Записки тайного советника: Малоизвестный источник по истории таможенного управления 1870–1880-х годов. М.: Новый хронограф.
- Коваль Т. Б. (1994). «Тяжкое благо». Христианская этика труда. М.: ИЭА.
- Краско А. В. (2010). Петербургское купечество: страницы семейных историй. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта.
- Кузнецов С. В. (2008). Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских XIX — начало XXI в. М.: ИЭА РАН.
- Лаверычев В. Я. (1974). Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900. М.: Мысль.
- Лаверычев В. Я. (1997). «Русский самородок». Предпринимательство и общественно-политическая деятельность В. А. Кокорева // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века / Ред. А. К. Сорокин. М.: РОССПЭН. С. 166–177.
- Лурье Л. Я. (2011). Питерщики. Русский капитализм. Первая попытка. СПб.: БХВ-Петербург.
- Лурье Л. Я. (2020). Соседский капитализм: крестьянские землячества Петербурга конца XIX — начала XX века. СПб.: ЕУСПб.
- Милов Л. В. (1998). Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН.
- Норт Д. (2010). Понимание процесса экономических изменений / Пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.
- Османов А. И. (2010). Купцы Петербурга. СПб.: РГПУ.
- Плюсин Ю. М. (2019). Российское отходничество: вехи многовековой истории // ЭКО. № 11 (545). С. 94–115.
- Плюсин Ю. М. (2024). Промыслы российской провинции: неформальные экономические практики населения / Науч. ред. С. Г. Кордонский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Радаев В. В. (1999). Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика. Россия и мир. М.: Логос. С. 35–60.
- Радаев В. В. (2007). Как возникает зависимость от предшествующего развития // Пути России: преемственность и прерывистость общественного развития. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук. С. 31–42.
- Расков Д. Е. (2012). Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Рудаков А. А. (2023). Гибкие методы управления проектами: виды, анализ и сравнение // Ученые записки Российской академии предпринимательства. Т. 22. № 3. С. 11–20.
- Слепцова (Кызласова) И. С., Смунова О. В. (2022). Информативный потенциал «Справочных книг о лицах С.-Петербургского [Петроградского] купечества... [1865–1916 гг.]» для изучения отходников-предпринимателей // Genesis: исторические исследования. № 10. С. 108–122.
- Смирнова О. А. (2021). В. А. Кокорев — предприниматель-самородок и идеолог национальной экономической науки — «учения о русской избе» // Северо-Запад в аграрной истории России. № 27. С. 123–134.
- Смунова О. В. (2008). Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй половине XIX — начале XX в.). Кострома: КГТУ.
- Смунова О. В. (2026). Традиция неземледельческого отхода крестьян Костромской губернии на заработки в столицы // Данильченко И. В., Трапилова А. В. Фотограф Сергей Александрович Орлов и его коллекция. М.: Кучково поле. С. 202–224.
- Степанов Ю. С. (1997). Константы: словарь русской культуры: опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры».

- Федоров В. А. (2009). Отходничество // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г. Т. 2 / Редкол.: А. И. Аксенов [и др.]. М.: РОССПЭН. С. 210–211.
- Харрисон Л., Хантингтон С. (ред.). (2002). Культура имеет значение: Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Москва.
- Химич Т. М. (2008). Ученые и предприниматели 1850-х — первой половины 1880-х гг. о приоритетах социально-экономического развития России: опыт взаимодействия и сотрудничества (на примере И. К. Бабста и В. А. Кокорева). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Моск. пед. гос. ун-т. Москва.
- Чехов А. П. (1977). Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 8. М.: Наука. С. 37–40.
- Шанин Т. (1990). Формы хозяйства вне систем // Вопросы философии. № 8. С. 109–115.
- Шанин Т. (1999а). Эксплоятные структуры и неформальная экономика современной России // Шанин Т. (ред.) Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос. С. 11–32.
- Шанин Т. (ред.). (1999б). Неформальная экономика: Россия и мир / Пер. и ред. И. Давыдовой и др. М.: Логос.

И. С. Слепцова
(*Кызласова*),
О. В. Смурова
Предприниматель-
ская деятельность
костромских отход-
ников в Санкт-Пе-
тербурге (1860-е —
1914 гг.)...

Entrepreneurial activities of seasonal migrant workers from Kostroma in Saint Petersburg (1860s–1914): Informal practices within the formal economy

Irina S. Sleptsova (Kyzlasova), Senior Researcher, N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Leninsky Pros., 32a, Moscow, 119334, Russia. E-mail: i_kyzlasova@mail.ru

Olga V. Smurova, DSc (History), Independent Researcher. Stopani St., 48, Kostroma, 156022, Russia. E-mail: Olga-smurova@mail.ru

Abstract. The article considers the entrepreneurship of seasonal peasant workers from the Kostroma Province in Saint Petersburg in the second half of the 19th — early 20th centuries, emphasizing the need for an interdisciplinary approach as such peasant activities combined norms of different social orders and cannot be explained by the classical economic theory. The suggested theoretical framework combines ideas of informal economy (T. Shanin), institutional approach (D. North), theory of habitus (P. Bourdieu), and concept of the “strength of weak ties” (M. Granovetter), which allows to consider the seasonal peasant workers’ practices as a socially embedded system in which informal institutions — regional and kin connections, reputation and mutual trust — played a key role. The study is based on the 50-volume “Reference Books on Members of the Saint Petersburg Merchant Class...” (1865–1916), which registered peasants engaged in entrepreneurship, and on “General Audit Journals”, which revealed their practices of avoiding official registration. The article describes the stages in life trajectories of seasonal migrant workers, mechanisms of community formation based on “elective affinity”, and transformation of social ethos in the urban environment. The authors identify three entrepreneurial strategies: adaptive, iterative (trial-and-error method), and experimental, based on the recombination of traditional elements in the new market conditions (path dependence), including diversification of activities and deviant practices (tax evasion, payment of fines). Thus, the “Reference Books” allow to reconstruct the integration of seasonal migrant workers into urban social groups; however, the data is incomplete due to the existence of an informal sector, which is why future research should draw upon fiscal and judicial documents to examine the relationship between formal and informal practices.

Key words: economic anthropology, informal economy, expolar economy, peasant mentality, network organization, imperial period

References

- Aleksandrov N. M. (2023) Krestyanskaya molodezh i otkhozhie promysly v stolitsu v kontse XIX — nachale XX veka (po materialam Kostromskoi i Yaroslavskoi gubernii) [Peasant youth and seasonal migrant work in the capital in the late 19th — early 20th centuries (based on the data from the Kostroma and Yaroslavl Provinces)]. *Severo-Zapad v Agrarnoi Istorii Rossii*, no 29, pp. 74–84.
- Averkieva K. V., Antonov E. V., Kirillov P. L. et al (2016) *Mezhdru domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. Return Spatial Mobility in Russia], Moscow: Novy khronograf.
- Barsukova S. Yu. (2012) Neformalnaya ekonomika: ponyatie, istoriya izucheniya, issledovatel'skie podkhody [Informal economy: Concept, history of study, research approaches]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 2, pp. 34–39.
- Baryshnikov M. N. (2005) Kostromskoe zemlyachestvo v delovoi zhizni Peterburga v nachale XX v. [Kostroma community in the business life of Saint Petersburg in the early 20th century]. *Klio*, no 2, pp. 177–184.
- Baryshnikov M. N. (2006) *Delovoi mir dorevoliutsionnoi Rossii: individy, organizatsii, instituty* [Business World of Pre-Revolutionary Russia: Personalities, Organizations, Institutions], Saint Petersburg: Knizhny dom.
- Baryshnikov M. N. (2007) Semeinaya firma v dorevoliutsionnoi Rossii [The family firm in pre-revolutionary Russia]. *Ekonomicheskyy Vestnik Rostovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, vol. 5, no 4, pp. 54–58.
- Belik A. A. (2014) *Chelovek v ekonomicheskoi antropologii* [Man in Economic Anthropology], Moscow: Izd-vo Ippolitova.
- Belova O. V. (2008) Svoi/chuzhoi [One of us or an outsider]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvistichesky slovar: v 5-ti t.* Ed. by N. I. Tolstoy, Moscow: Mezhdunarodnye ot-nosheniya, vol. 4, pp. 581–582.
- Bourdieu P. (1998) Struktura, gabitus, praktika [Structure, habitus, practice]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*, vol. 1, no 2, pp. 44–59.
- Chekhov A. P. (1977) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.], Moscow: Nauka, vol. 8, pp. 37–40.
- Danilchenko I. V., Trashchilova A. V. (2026) *Fotograf Sergey Aleksandrovich Orlov i ego kollektsiya* [Photographer Sergey Aleksandrovich Orlov and His Collection], Moscow: Kuchkovo pole.
- Denisova I. V. (2022) Utochnenie ponyatiya “diversifikatsiya” [Clarification of the term “diversification”]. *Eurasian Scientific Journal*, vol. 14, no 6.
- Drogobyt'skaya K. S. (2009) Sovremennoe sostoyanie metodologii sistemnykh issledovaniy sotsiokulturnykh obrazovaniy [Today's state of methodology of the system research of social-cultural units]. *Problemy Sovremennoi Ekonomiki*, no 2, pp. 219–223.
- Fedorov V. A. (2009) Otkhodnichestvo [Seasonal migrant work]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevneishih vremen do 1917 g. V 2-h t.* Vol. 2. Ed. by A. I. Aksenov et al., Moscow: ROSSPEN, pp. 210–211.
- Gavlin M. L. (1999) *Iz istorii rossiiskogo predprinimatelstva: dinastiya Kokorevykh* [From the History of Russian Entrepreneurship: The Kokorev Dynasty], Moscow: INION AN SSSR.
- Gavlin M. L. (2002) Istoriya dinastii rossiiskikh predprinimatelei do 1917 g. v informatsionnykh izdaniyakh INION RAN [History of Russian entrepreneurial dynasties before 1917 in information publications of the INION RAS]. *Teoriya i Praktika Obshchestvenno-Nauchnoi Informatsii*, no 17, pp. 149–156.
- Granovetter M. (2009) Sila slabyykh svyazei [The strength of weak ties]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 10, no 4, pp. 31–50.
- Harrison L., Huntington S. (Eds.) (2002) *Kultura imeet znachenie: Kakim obrazom tsennosti sposobstvyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress], Moscow.

- Kachalov N. A. (2012) *Zapiski taynogo sovetnika: Maloizvestny istochnik po istorii tamozhennogo upravleniya 1870-h — 1880-h godov* [Notes of a Privy Councillor: A Little-Known Source on the History of Customs Administration in the 1870s–1880s], Moscow: Novy khronograf.
- Khimich T. M. (2008) *Uchenye i predprinimateli 1850-h — pervoi poloviny 1880-h gg. o prioritetaх sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia Rossii: opyt vzaimodeistviya i sotrudnichestva (na primere I. K. Babsta i V. A. Kokoreva)* [Scientists and Entrepreneurs in the 1850s — First Half of the 1880s on the Priorities of Russia's Social-Economic Development: Interaction and Cooperation (on the Example of I. K. Babst and V. A. Kokorev)], Moscow.
- Koval T. B. (1994) *“Tyazhkoe blago”*. *Khristianskaya etika truda* [“The Hard Good”. Christian Work Ethic], Moscow: IEA.
- Krasko A. V. (2010) *Peterburgskoe kupechestvo: stranitsy semeinykh istorij* [Saint Petersburg Merchants: Pages of Family Stories], Moscow: Tsentrpoligraf; Saint Petersburg: MiM-Delta.
- Kuznetsov S. V. (2008) *Khozyaistvennye, religioznye i pravovye traditsii russkikh XIX — nachala XXI v.* [Economic, Religious and Legal Traditions of Russians in the 19th — Early 21st Centuries], Moscow: IEA RAN.
- Laverychev V. Ya. (1974) *Krupnaya burzhuaziya v poreformennoi Rossii 1861–1900* [Big Bourgeoisie in Post-Reform Russia: 1861–1900], Moscow: Mysl.
- Laverychev V. Ya. (1997) *“Russky samorodok”*. *Predprinimatelstvo i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' V. A. Kokoreva* [“Russian natural talent”. Entrepreneur and social-political activities of V. A. Kokorev]. *Predprinimatelstvo i predprinimateli Rossii. Ot istokov do nachala XX veka*. Ed. by A. K. Sorokin, Moscow: ROSSPEN, pp. 166–177.
- Lurie L. Ya. (2011) *Pitershchiki. Russky kapitalizm. Pervaya popytka* [Peterburgers. Russian Capitalism. First Attempt], Saint Petersburg: BKhV-Peterburg.
- Lurie L. Ya. (2020) *Sosedsny kapitalizm: krestyanskie zemlyachestva Peterburga kontsa XIX — nachala XX veka* [Neighbor Capitalism: Peasant Communities of Saint Petersburg in the Late 19th — Early 20th Centuries], Saint Petersburg: EUSP.
- Milov L. V. (1998) *Velikorussky pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Ploughman and the Features of the Russian Historical Process], Moscow: ROSSPEN.
- North D. (2010) *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy* [Understanding the Process of Economic Change], Moscow: Izd. dom VShE.
- Osmanov A. I. (2010) *Kuptsy Peterburga* [Merchants of Saint Petersburg], Saint Petersburg: RGPU.
- Plyusnin Yu. M. (2019) Rossiiskoe otkhodnichestvo: vekhi mnogovekovoi istorii [Russian seasonal migrant workers: Milestones of the centuries-old history]. *ECO*, no 11, pp. 94–115.
- Plyusnin Yu. M. (2024) *Promysly rossiyskoy provintsii: neformalnye ekonomicheskie praktiki naseleniya* [Trades of the Russian Province: Informal Economic Practices]. Ed. by S. G. Kordonsky, Moscow: Izd. dom VShE.
- Radaev V. V. (1999) *Neformalnaya ekonomika i vnekontraktnye otnosheniya v rossiyskom biznese* [Informal economy and non-contractual relations in Russian business]. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir*. Ed. by T. Shanin, Moscow: Logos, pp. 24–60.
- Radaev V. V. (2007) *Kak voznikaet zavisimost ot pedshestvuyushchego razvitiya* [How path dependence develops]. *Puti Rossii: preemstvennost i preryvistost obshchestvennogo razvitiya*. Ed. by A. M. Nikulin, Moscow: MVShSEN.
- Raskov D. E. (2012) *Ekonomicheskie instituty staroobryadchestva* [Economic Institutions of the Old Believers], Saint Petersburg: SPbGU.
- Rudakov A. A. (2023) *Gibkie metody upravleniya proektami: vidy, analiz i sravnenie* [Flexible methods of project management: Types, analysis and comparison]. *Uchenye Zapiski Rossijskoy Akademii Predprinimatelstva*, vol. 22, no 3, pp. 11–20.

И. С. Слепцова
(Кызласова),
О. В. Смурова
Предприниматель-
ская деятельность
костромских отход-
ников в Санкт-Пе-
тербурге (1860-е —
1914 гг.)...

- Shanin T. (1990) *Formy khozyajstva вне system* [Types of economies beyond systems]. *Voprosy Filosofii*, no 8, pp. 109–115.
- Shanin T. (1999a) *Ekspolyarnye struktury i neformalnaya ekonomika sovremennoj Rossii* [Expolar structures and informal economy in contemporary Russia]. *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir*. Ed. by T. Shanin, Moscow: Logos, pp. 11–32.
- Shanin T. (Ed.) (1999b) *Neformalnaya ekonomika: Rossiya i mir* [Informal Economy: Russia and the World], Moscow: Logos.
- Sleptsova (Kyzlasova) I. S., Smurova O. V. (2022) Informativny potentsial “Spravochnykh knig o litsah S.-Peterburgskogo [Petrogradskogo] kupechestva... [1865–1916 gg.]” dlya izucheniya otkhodnikov-predprinimatelej [The informative potential of “Reference Books on Members of the Saint Petersburg [Petrograd] Merchant Class... [1865–1916]” for the study of seasonal migrant entrepreneurs]. *Genesis: Istoricheskie Issledovaniia*, no 10, pp. 108–122.
- Smirnova O. A. (2021) V. A. Kokorev — predprinimatel-samorodok i ideolog natsionalnoi ekonomicheskoi nauki — “ucheniya o russkoi izbe” [Kokorev as a natural-born entrepreneur and ideologist of the national economic science — “doctrine of the Russian hut”]. *Severo-Zapad v Agrarnoi Istorii Rossii*, no 27, pp. 123–134.
- Smurova O. V. (2008) *Mezhdru gorodom i derevnei (obraz zhizni krestyanina-otkhodnika vo vtoroi polovine XIX — nachale XX vv.)* [Between the City and the Village (Lifestyle of the Seasonal Migrant Peasant in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries)], Kostroma: KGTU.
- Smurova O. V. (2026) *Traditsiya nezemledelcheskogo otkhoda krestyan Kostromskoi gubernii na zarabotki v stolitsy* [Tradition of Non-Agricultural Seasonal Migrant Activities of Peasants from the Kostroma Region for Making Money in the Capital], Moscow: Kuchkovo pole, pp. 202–224.
- Stepanov Yu. S. (1997) *Konstanty: slovar russkoi kultury: opyt issledovaniya* [Constants: Dictionary of Russian Culture: A Study], Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kultury”.
- V. V. [Vorontsov V. P.] (1895) *Artel v kustarnom promysle* [Artel in the Handicraft Industry], Saint Petersburg: tipografiya V. Kirshbauma.
- Weber M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow: Progress.
- Vladimirsky N. N. (1927) *Otkhod krestyanstva Kostromskoy gubernii na zarabotki* [Seasonal Labor Migration of the Peasantry in the Kostroma Region], Kostroma: Izdanie Kostromskogo gubstatotdela.
- Zhbankov D. N. (1891) *Babya storona: Statistiko-etnografichesky ocherk* [Women’s Part: A Statistical-Ethnographic Essay], Kostroma: Gubernskaya tipografiya.